

Научная статья
УДК 316.343-057.16
<https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.5>

Воздействие коронакризиса на социальное благополучие работающих россиян

Нина Дмитриевна Коленникова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
kolennikova-nina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9458-8762>

Аннотация. В статье анализируется специфика влияния различных последствий коронакризиса на показатели объективного и субъективного благополучия работающих россиян. Показано, что в наибольшей мере пандемия нанесла урон материальному благополучию работающих россиян. Также остается довольно низким объем социальных гарантий для российских работников. Наряду с этим среди занятого населения выделяются относительно благополучные и неблагополучные группы, воздействие коронакризиса на которые обострило уже известные монетарные и немонетарные неравенства. И если до пандемии ситуация с ними была в целом стабильна, то сегодня возрастают риски поляризации населения к условным полюсам бедности и богатства. Субъективные оценки ситуации на работе косвенно подтверждают эти тенденции и имеют свою специфику, заключающуюся в массовом стремлении работающих россиян к удовлетворительным (срединным) оценкам. Интерпретировать их в качестве критериев стабильного положения работника затруднительно, поскольку наиболее эффективная реализация профессиональных целей фиксируется только среди тех, кто позитивно характеризует ситуацию на работе, а также имеющиеся на ней возможности для самореализации и обучения.

Ключевые слова: социальное благополучие, последствия коронакризиса, социальное неравенство, удовлетворенность жизнью, занятое население

Для цитирования: Коленникова Н.Д. Воздействие коронакризиса на социальное благополучие работающих россиян // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12. С. 41–50. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.5>.

Финансирование: статья подготовлена в рамках работы над плановой темой «Российское общество перед новыми вызовами: динамика социально-экономического положения, ценностных ориентаций и социального участия различных групп населения» в Институте социологии ФНИСЦ РАН.

Original article

The coronacrisis impact on the social well-being of the employed Russians

Nina D. Kolennikova

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia,
kolennikova-nina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9458-8762>

Abstract. The author analyzes the specifics of the impact of various consequences of the coronacrisis on the indicators of objective and subjective well-being of the employed Russians. It is shown that the pandemic has caused the greatest damage to the material well-being of working Russians. The volume of social guarantees for Russian workers also remains quite low. At the same time, relatively prosperous and disadvantaged groups stand out among the employed population, the impact of the coronacrisis on which has exacerbated the already well-known monetary and non-monetary inequalities. This situation was generally stable before the pandemic, today the risks of polarization of the population to the conditional poles of poverty and wealth are increasing. Subjective assessments of the situation at work indirectly confirm these trends and have their own specifics, consisting in the massive desire of the employed Russians for satisfactory (median) assessments. It is difficult to interpret them as criteria for the stable position of an employee, since the most effective implementation of professional goals is recorded only among those who positively characterize the situation at work, as well as the opportunities available for self-realization and training.

Keywords: social well-being, consequences of the coronacrisis, social inequality, life satisfaction, employed population

For citation: Kolennikova, N.D. (2021) The coronacrisis impact on the social well-being of the employed Russians. *Theory and Practice of Social Development*. (12), 41–50. Available from: [doi:10.24158/tipor.2021.12.5](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.5) (In Russian).

Funding: the article was prepared as part of the work on the planned topic “Russian society facing new challenges: the dynamics of the socio-economic situation, value orientations and social participation of various groups of the population” at the Institute of Sociology of the FCTIS RAS.

Прошло уже почти два года с начала пандемии коронавируса, однако ее последствия продолжают серьезным образом сказываться практически на всех сферах жизни как мирового сообщества в целом, так и российского социума в частности. Одной из наиболее пострадавших стала сфера занятости, реальное восстановление которой, согласно прогнозам МОТ, начнется не ранее 2023 г. До этого времени в большинстве стран мира рост занятости лишь компенсирует понесенные потери с учетом низкой экономической базы 2020 г.¹ Россия уже идет по пути активного наращивания производственной активности, однако с учетом новой волны эпидемии коронавируса, разразившейся осенью 2021 г., говорить о полном восстановлении сферы занятости пока рано².

При этом в качестве позитивного фактора, свидетельствующего о движении в сторону восстановления, можно рассматривать возвращение показателя безработицы на докризисный уровень, который составил в июне–августе 2021 г. 4,6 %³. Несмотря на это, в 2020 г. рекордно снизились реальные располагаемые доходы населения⁴, которые и до этого периода непрерывно сокращались несколько лет подряд. Это запустило очередной виток падения уровня жизни в стране и повлекло за собой целую вереницу социально-экономических проблем.

Кроме того, не снижается доля занятых в неформальном секторе экономики, численность которых по данным ФСГС за 2019 г. составила 20,6 % (Рабочая сила..., 2020) и вряд ли снизилась с приходом пандемии. Это на фоне коронакризиса обостряет проблему социальной защищенности работников, что находит отражение и в их субъективных оценках. Так, например, об ухудшении своего материального положения в 2020 г., согласно исследованию РАНХиГС, заявили 58 % трудящихся в неформальном секторе и только 37 % среди тех, кто работает официально⁵.

В этой связи в качестве предмета статьи интересно рассмотреть не только конкретные последствия коронакризиса для разных групп работников, но и то, как под их влиянием меняется уровень объективного и субъективного благополучия работающих россиян. В условиях высокой неопределенности такой подход полезен как с точки зрения выработки мер социальной поддержки для различных групп населения, так и в контексте своевременного обнаружения потенциальных очагов социальной напряженности (Мареева, 2018). Соответственно, цель исследования будет заключаться в оценке ключевых последствий коронакризиса для занятых россиян в связке с объективными показателями их социального благополучия и его субъективными оценками.

Эмпирическую базу исследования составили данные 10-й (сентябрь 2020 г.)⁶ и 11-й (2021 г.)⁷ волн мониторинговых всероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, репрезентирующие российское население по полу, возрасту, типу поселения и профессиональной принадлежности. Метод сбора данных – face-to-face опрос.

Теоретико-методологические основы исследования. В соответствии с объектом, предметом и избранной целью исследования мы сконцентрировались на специфике объективного и субъективного социального благополучия работающих россиян. Конкретные последствия коронакризиса нас интересовали именно в этом контексте. Ключевые методологические разработки состояли в операционализации объективного и субъективного благополучия работающих россиян.

Сразу отметим, что среди исследователей пока не сложилось консенсуса относительно содержания понятия «социальное благополучие», однако разграничение его объективной и субъективной ипостаси производится довольно четко (Сушко, 2020). В отечественных исследованиях в качестве объективных показателей социального благополучия при этом чаще всего анализируется уровень доходов или показатели, производные от него (Мареева et al., 2019; Горшков, 2019). Субъективное же благополучие чаще охватывает более широкий спектр показателей – от уровня

¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2021 [Электронный ресурс] // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

² О косвенной оценке производственной активности в экономике в апреле [Электронный ресурс] // АРБ: Ассоциация Российских банков. URL: https://arb.ru/upload/iblock/c28/2021-10-01_o_kosvennoj_ocenke.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

³ Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 26.11.2021).

⁴ Согласно данным ФСГС РФ, реальные располагаемые доходы россиян во втором квартале 2020 г., на который пришелся главный экономический удар, снизились на 8 %. Наряду с этим эксперты «Центра развития» НИУ ВШЭ и ВЭБ.РФ оценивали этот показатель примерно в 17 %.

⁵ Анализ некриминальной «теневой» экономической деятельности – 2020 [Электронный ресурс] // РАНХиГС. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa/issledovaniya/105-analiz-nekriminalnoj-tenevoj-ekonomicheskoy-deyatelnosti-2020> (дата обращения: 26.11.2021).

⁶ Численность работающих в выборке – 1 384 респондента.

⁷ Численность работающих в выборке – 1 401 респондент.

счастья и удовлетворённости жизнью в целом до оценок благополучности конкретных аспектов жизни индивида (работа, семья, здоровье и т. п.) (Мареева, 2018; Епихина и др., 2020). В некоторых из указанных работ предпринимаются попытки выявления взаимосвязей между объективным и субъективным благополучием, однако исследовательский контекст задается во многом спецификой объекта исследования.

В нашем исследовании мы исходим из той предпосылки, что объективные показатели социального благополучия для работающего населения в нашей стране определяются не только доходом, но и объемом социальных гарантий. Поскольку с переходом к рыночной экономике, значительным объемом неформального сектора и в целом слабого исполнения трудового законодательства эти гарантии, как и занятость в целом, стали сильно диверсифицироваться (Гимпельсон, и др., 2005; Тихонова, 2021). В отношении субъективного благополучия мы сосредоточимся на аспектах, связанных непосредственно с оценкой рабочей ситуации и возможностей профессиональной самореализации.

Отметим также, что объективное социальное благополучие интерпретировалось в русле структуралистской традиции и означало высокую или низкую позицию в той или иной социально-стратификационной иерархии (Вебер, 1992; Warner, 1960). В нашем исследовании ключевое внимание было сосредоточено на иерархиях дохода и социальной защищенности на рабочем месте. Кроме того, учитывалось также положение работника по шкале административных статусов или иначе, в профессиональной иерархии, а также уровень его квалификации, поскольку оба этих аспекта, хотя и не характеризуют напрямую уровень социального благополучия респондента, но тесно с ним соотносятся. Высокая, средняя или низкая позиция в этих иерархиях свидетельствует о соответствующем уровне социального благополучия.

Влияние пандемии на объективные показатели социального благополучия работающих россиян. Как видно из рисунка 1, в наибольшей мере пандемия нанесла материальному благополучию работающих россиян урон, который в последний год стал ощущаться большим числом респондентов. Напротив, группа тех, на чьей жизни коронакризис никак не сказался, сократилась. Также довольно широким оказался перечень последствий, связанных непосредственно с работой. При этом для нашего исследования интерес представляет то, насколько уровень социального благополучия работника предопределил специфику оказываемого на его жизнь влияния коронакризиса. Как показали результаты кластерного анализа, можно выделить 3 группы среди работающего населения России, для которых специфика влияния пандемии оказалась относительно уникальной и во многом была предопределена предшествующим началом коронакризисного периода уровнем социального благополучия респондента (Коленникова, 2021).

Так, например, одна часть работающего населения, сумевшая аккумулировать имеющиеся ресурсы (как правило, финансовые активы и человеческий капитал) относительно успешно адаптировалась к обновленной реальности (35 %). Одним из ключевых признаков такой адаптации стал переход на дистанционную занятость, масштабы которой, однако, согласно исследованию ИС ФНИСЦ РАН, за последний год не выросли. Это свидетельствует о том, что данное явление не стоит рассматривать как масштабное преобразование форм занятости, а скорее лишь как ответ производственного сектора и отдельных индивидов на пандемические ограничения. При этом такой ответ имеет свои границы – к нему оказались способны по большей части работники нефизического труда, подразумевающего достаточно высокий уровень квалификации. К примеру, суммарная численность руководителей, предпринимателей и профессионалов высокой квалификации составляла в этой группе более 40 %, в то время как в двух других не превышала 30 %. Также доля респондентов с высшим образованием в этой группе составляла около половины, а в двух других их численность колебалась в диапазоне 25–30 %. Кроме того, работники, сумевшие адаптироваться к пандемической реальности, чаще встречались среди представителей высокодоходных слоев (40 % в группе с доходом свыше 2 медиан против 24 % среди тех, у кого он составляет не более 0,75 медиан) (Модель доходной стратификации..., 2018)¹.

Наряду с этим представители рабочих профессий, а также сферы услуг, чаще концентрировались в группе наиболее пострадавших от пандемии, которая объединила еще примерно треть работающих граждан (27 %). Суммарная их численность в составе данной группы составила более 60 %. Относительно чаще в этой группе присутствовали и те, кто не имеет высшего образования (74 %) и чьи среднедушевые доходы не превышают 1,25 медиан в месяц (58 %). То есть социально-демографический состав группы в наибольшей мере ощутивших негативное влияние различного рода последствий пандемии коронавируса свидетельствует о недостаточности среди его представителей различных ресурсов, которые могли бы помочь им успешно адаптироваться к новой общественной ситуации и дать эффективный ответ на стоящий перед обществом вызов в лице целого ряда социально-экономических воздействий.

¹ Речь идет о медиане среднедушевых доходов с учетом типа поселения, в котором проживает респондент.

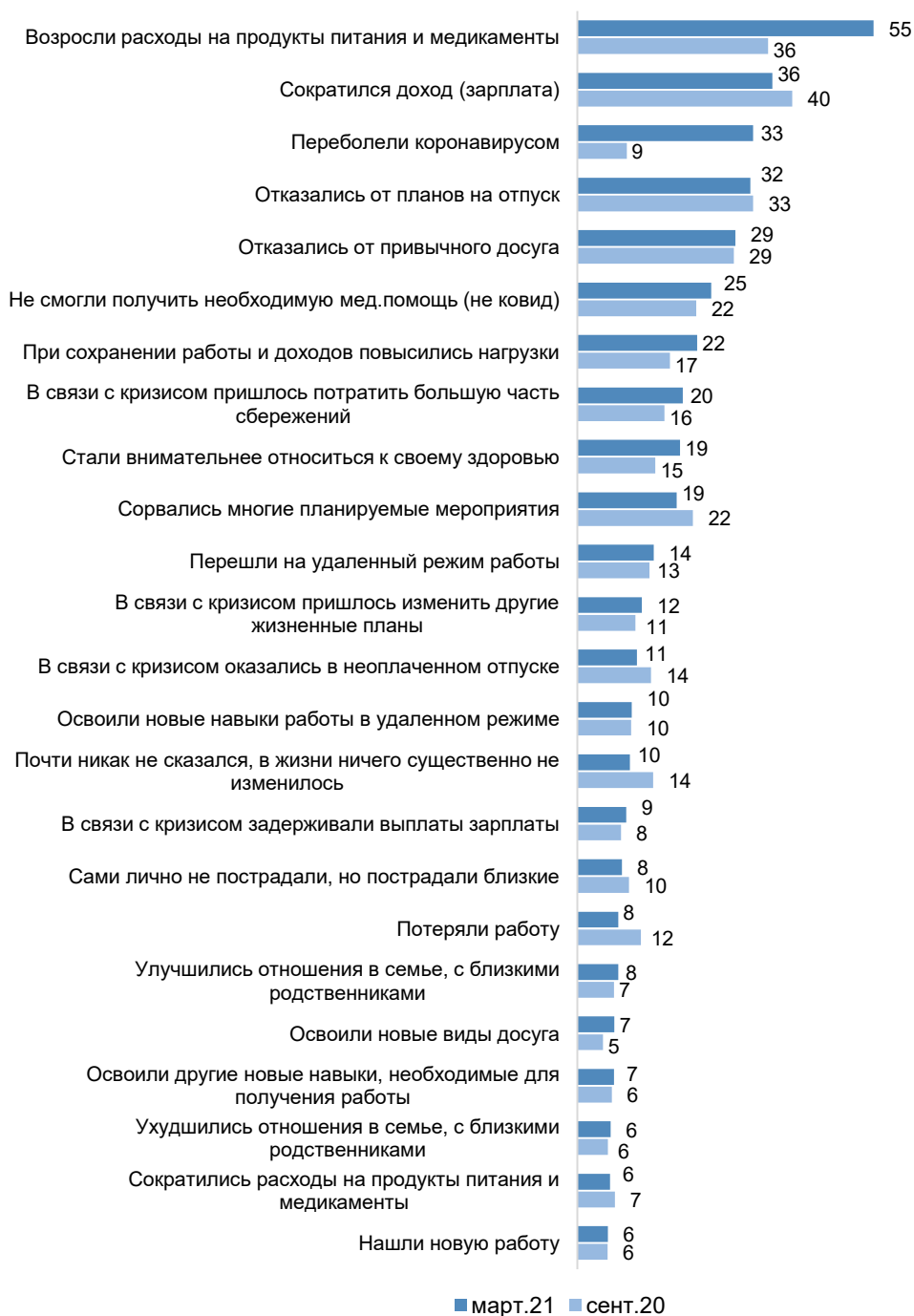

Рисунок 1 – С чем из перечисленного Вы, а также Ваши близкие столкнулись за более чем год жизни в условиях пандемии коронавируса? 2020–2021 гг., % от работающих¹

Еще одна часть работающих сохранила относительно стабильное положение и в меньшей мере, чем две предыдущие группы ощутила на себе различные последствия коронакризиса (38 %). При этом говорить о сохранении такого их положения в будущем оснований не так много, поскольку, как показал наш анализ, пока фиксируется тенденция усиления различного рода последствий пандемии и не исключено, что могут появиться и такие из них, с которыми ранее ра-

¹ На рисунке представлены ответы, названные не менее чем 5 % опрошенных в 2021 г.

ботающее население не сталкивалось. Данный тезис косвенно подтверждают опросы общественного мнения, согласно которым более половины россиян считают, что основные трудности, связанные эпидемией коронавируса в России, еще впереди (55 %)¹.

Дополняет данные результаты и анализ другого аспекта объективного социального благополучия работника – уровня его социальной защищенности, который на российском рынке труда в целом невелик вне зависимости от формы занятости работника. Как свидетельствуют данные рисунка 2, зачастую единственной социальной гарантией для российского работника является своевременное получение им заработной платы. Такая ситуация в целом сохраняется на протяжении последних 6 лет и лишь слегка усугубилась с наступлением коронакризиса. Поэтому даже масштабы сокращения официальной безработицы совсем не гарантируют повышения социальной защищенности работника, что также говорит об определенном положении индивида в системе производственных отношений и, как показали результаты нашего анализа, тесно связано с уровнем социального благополучия работника в разных его проявлениях.

Рисунок 2 – Динамика уровня обеспеченности социальных гарантий для российских работников, 2015–2021 гг., % (последние 2 закрытия не предлагались в 2015 г.)

С точки зрения обеспечения комплекса перечисленных социальных гарантий выделяется как минимум три группы работающего населения². Наиболее многочисленную из них составляют социально-уязвимые работники, для большинства которых обеспечивается лишь своевременное поступление заработной платы, а все остальные гарантии предоставляются относительно редко и выборочно.

Большинству членов второй группы, объединившей в своем составе 40 % работников, предоставляется уже 4 социальные гарантии, которые предусмотрены российским законодательством и потому не могут расцениваться в этой связи как дополнительные «бонусы». В силу наличия даже такого «социального фундамента» на рабочем месте, данную группу можно условно обозначить как социально-стабильную, хотя и в ней такие обязательные по закону пункты, как оплата сверхурочных и соблюдение нормативного времени рабочей недели являются скорее исключением.

¹Коронавирус, вакцина и меры [Электронный ресурс] // Левада Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/11/01/koronavirus-vaktsina-i-mery/> (дата обращения: 26.11.2021).

² Выделение групп, различающихся уровнем социальной защищенности, происходило посредством конструирования специального Индекса на основании ответов на вопрос об обеспечении социальных гарантий работникам. Для каждого участника опроса суммировалось количество обеспечиваемых ему социальных гарантий, и если соблюдалось до трех из них, то присваивалось 0 баллов, от 4 до 5 – 1 балл, свыше 5 – 2 балла. Затем полученные баллы суммировались. В зависимости от их количества каждый участник опроса был отнесен к одной из трех выделенных групп.

В третью группу вошло меньшинство работающего населения, которое, однако, в сравнении с двумя предыдущими группами обладает наиболее полным и потому уникальным набором социальных гарантий.

Таблица 1 – Группы работников по уровню социальной защищенности, 2021 г., % от работающих

	Социально-уязвимые	Социально-стабильные	Социально-привилегированные
Своевременная выплата заработной платы	76	99	99
Официальное оформление на работу по трудовому контракту	45	98	100
«Белая» зарплата	21	92	99
Оплата отпуска и больничного листа	18	94	100
Оплата сверхурочных в случае их наличия	17	38	92
Дополнительные социальные блага	1	2	46
Возможности для удаленной работы	3	4	47
Соблюдение нормативного времени рабочей недели	8	20	56
Всего	50	40	10

Высокий или низкий уровень социальной защищенности при этом связан с такими объективными характеристиками социального благополучия индивида как размер дохода, уровень образования, профессиональная принадлежность, а также специфика воздействия последствий пандемии на их жизнь. Так, среди тех, кто занят на позициях, предполагающих достаточно высокую квалификацию, и чей труд носит преимущественно нефизический характер, уровень социальной защищенности выше, а среди рабочих и представителей сферы услуг существенно ниже. В этом смысле представители сферы услуг являются обновленным рабочим классом, и говорить о благополучии положения на рабочем месте основной его массы скорее не приходится, особенно в свете волнообразного воздействия коронакризиса. Интересно и то, что особняком в отношении социальной защищенности стоят предприниматели и самозанятые, не имеющие в принципе никаких привилегий и сосредоточенные в абсолютной массе своей среди социально-уязвимых (рис. 3). Это во многом связано и с низкой культурой малого бизнеса в России, слабой его поддержкой и, как следствие, низкой популярностью.

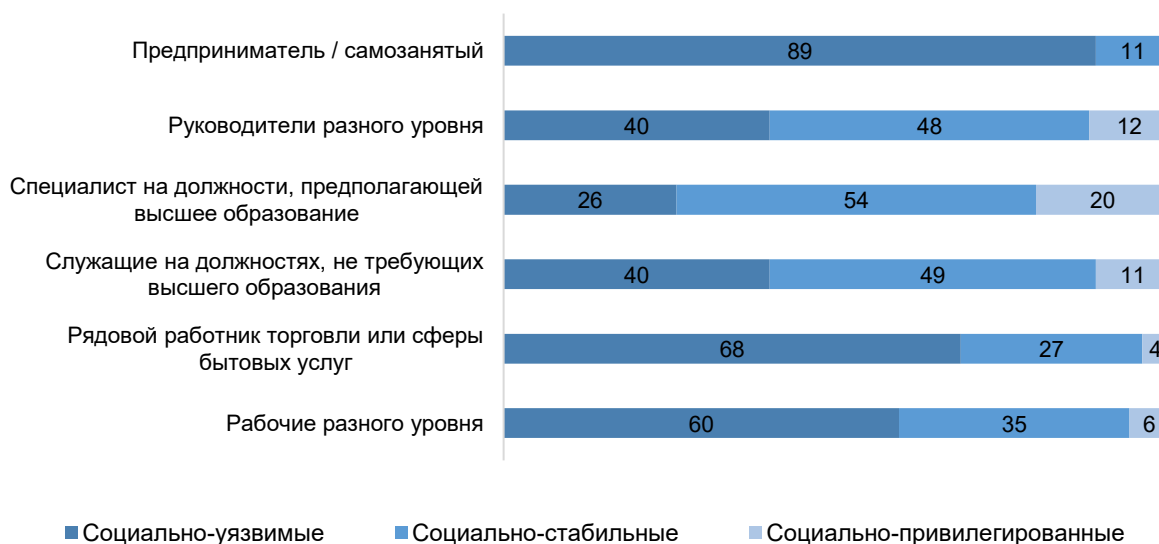

Рисунок 3 – Социальная защищенность представителей различных профессиональных классов, 2021 г., % от работающих

Наряду с этим, как видно из таблицы 2, численность лиц с более высокими доходами, уровнем образования и условно конструктивным вариантом воздействия на их жизнь пандемии коронавируса относительно выше среди работников с высокими социальными гарантиями и, напротив, снижается в группах со средними и низкими доходами, без высшего образования и негативным влиянием последствий коронакризиса.

Таблица 2 – Характеристики групп работников, различающихся уровнем социальной защищенности, 2021 г., % от работающих¹

Группы	Группы по уровню социальной защищенности		
	Социально-уязвимые	Социально-стабильные	Социально-привилегированные
<i>по воздействию последствий пандемии</i>			
Стабильные	41	36	36
Адаптировавшиеся	28	41	44
Пострадавшие	32	22	20
<i>по уровню доходов</i>			
до 0,75 медиан	26	14	6
0,75–1,25 медиан	40	44	27
1,26–2 медиан	25	31	46
От 2 медиан и выше	8	11	22
<i>по уровню образования</i>			
Нет высшего образования	75	57	41
Есть высшее образование	25	43	59

Таким образом, можно говорить о тенденции обострения уже имеющихся и известных ранее монетарных и немонетарных неравенств. Однако, если до пандемии ситуация с ними была относительно стабильна, то сегодня возрастают риски поляризации населения к условным полюсам бедности и богатства. В этой связи рассмотрим также, как соотносятся с объективным уровнем благополучия и спецификой влияния последствий пандемии субъективные оценки занятых россиян общей ситуации на работе и возможностей собственной профессиональной самореализации.

Субъективное благополучие на рабочем месте. Вышепредставленные объективные последствия пандемии, как видно из рисунка 4, сказались также и на самооценке работающих россиян. Видимый скачок вниз был замечен в сентябре 2020 г., но уже к началу 2021 г. в самосознании занятого населения ситуация несколько стабилизировалась. Но с точки зрения объективных показателей, как было показано выше, ситуация скорее обострилась. Такое, на первый взгляд, противоречие, вероятнее всего связано со снижением градуса неопределенности, вызванной пандемией. Не наблюдается и роста негативных оценок, а большинству опрошенных ситуация на работе (60 %), а также возможности профессиональной самореализации (54 %) и образования (58 %) видятся удовлетворительными. Однако такое смещение к середине не имеет однозначной интерпретации и нуждается в уточнении. В частности, отечественные исследователи фиксируют похожие тенденции и в отношении субъективных оценок россиянами других сторон жизни, обосновывая массовое стремление к середине туннельным эффектом, слабой связью объективной ситуации с ее восприятием (Гимпельсон и др., 2020), ориентацией на ближнее окружение (Тихонова, 2018).

Рисунок 4 – Динамика субъективных оценок как хороших в отношении: ситуации на работе, возможностей профессиональной самореализации и обучения, 2014–2021 гг., % от работающих

¹ Фоном выделены показатели, охватывающие в сумме более 50% соответствующей группы.

Подробный анализ субъективных оценок в нашем исследовании частично подтверждает эти гипотезы. С одной стороны, для более благополучных групп работающих характерны более позитивные оценки всех аспектов рабочей ситуации, а для неблагополучных, соответственно, негативные (таблица 3). С другой стороны, объективное благополучие все же слабо связано с ее субъективным восприятием, поскольку вне зависимости от уровня первого, наиболее массовыми в рассматриваемых группах остаются удовлетворительные оценки.

Таблица 3 – Субъективные оценки различных аспектов рабочей ситуации в группах по социальной защищенности и воздействию последствий пандемии, 2021 г., % от работающих¹

Субъективные оценки	Группы по воздействию последствий пандемии			Группы по уровню социальной защищенности			Всего
	Стабильные	Благополучные	Пострадавшие	Социально-уязвимые	Социально-стабильные	Социально-привилегированные	
ситуация на работе							
Хорошо	34	28	17	22	29	46	28
Удовлетворительно	59	61	62	61	62	49	60
Плохо	7	11	21	16	9	4	12
возможность реализовать себя в профессии							
Хорошо	35	34	26	23	37	58	32
Удовлетворительно	55	53	54	60	52	33	54
Плохо	11	13	20	18	11	8	14
возможность получения необходимого образования и знаний							
Хорошо	25	31	18	17	30	46	25
Удовлетворительно	60	57	58	60	59	45	58
Плохо	15	12	24	23	11	8	17

При этом удовлетворительная оценка не может восприниматься как сигнал о стабильном положении работника и его хотя бы средних шансах на профессиональное развитие. Если обратиться к профессиональным целям, которые ставит себе большинство работающих россиян, то среди удовлетворительно оценивающих ситуацию у себя на работе, возможности для профессиональной самореализации и обучения более половины пока не смогли достичь ни одной из перечисленных целей (таблица 4). В группе с плохими субъективными оценками ситуации на работе таковых еще больше. А реальный потенциал для профессионального развития можно увидеть только из хороших оценок указанных аспектов.

Таблица 4 – Субъективные оценки различных аспектов рабочей ситуации в контексте профессиональных целей работающих россиян, 2021 г., % от тех, кто отметил, что уже добился указанной цели

Цели, связанные с работой	Ситуация на работе			Возможность реализовать себя в профессии			Возможность получения необходимого образования и знаний		
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Получить хорошее образование	59	45	32	64	43	25	69	45	23
Иметь интересную работу	66	38	21	75	33	15	71	38	22
Заниматься любимым делом	60	34	19	68	30	15	64	35	18

¹ Фоном указаны максимальные показатели по строке в каждой из 2-х рассматриваемых групп.

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Стать профессионалом в своем деле	53	42	30	61	38	28	62	41	26
Получить престижную работу	45	20	5	50	16	7	47	21	8
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	27	14	7	31	11	5	34	12	5
Хорошо зарабатывать	26	10	1	27	8	4	29	10	2

Выводы. Таким образом, показатели объективного социального благополучия занятых россиян под влиянием пандемии увеличили свой дифференцирующий потенциал. Возросли риски дальнейшей поляризации населения и размывания срединных групп, обладающих относительно стабильным положением на рынке труда с точки зрения их материального положения и социальной защищенности. И, если угрозу для их материального благосостояния представляет разворачивающийся под влиянием пандемии экономический кризис, то уровень стабильности социальных гарантий ставится под сомнение в силу развивающейся уже не первый год тенденции диверсификации российского рынка труда. Данное явление привело к тому, что социальные гарантии, и в особенности их немонетарные формы, превращаются в дефицитный ресурс, тем самым не только обостряя социальное неравенство между представителями схожих профессиональных позиций, но и ставя в большую зависимость позицию работника в отношении работодателя.

Субъективные оценки косвенно подтверждают рассматриваемые тенденции, указывая на то, что достижение поставленных профессиональных целей сегодня становится привилегией наиболее успешных и благополучных слоев, численность которых в российской социальной структуре, с одной стороны, относительно невелика, а с другой стороны, нестабильна.

Список источников:

- Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация / Отв. редактор С.А. Белановский. М., 1992. Вып. 1. С. 19–38.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М., 2005.
- Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 30–56. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-2>.
- Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>.
- Епихина Ю.Б., Черныш М.Ф., Сушко П.Е., Шилова В.А., Лысухо А.С. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. 95 с. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1>.
- Коленикова Н.Д. Воздействие пандемии на социально-психологическое самочувствие и поведение россиян // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 18–32. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2.2>.
- Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707>.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / под ред. д-ра социол. наук Н.Е. Тихоновой. М.; СПб., 2018. 368 с.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 145 с.
- Сушко П.Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1–2 (126). С. 17–29. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>.
- Тихонова Н.Е. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 46–67. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8086>.
- Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. A Society of Unstable Wellbeing: Income Mobility and Immobility in Russia // Basic research program. Working papers. Series: sociology. WP BRP 94/SOC/2020.
- Warner W.L. Social Class in America. New York, 1960.

References:

- Epikhina Yu.B., Chernysh M.F., Sushko P.E., Shilova V.A., Lysukho A.S. (2020) Sub'ektivnoe i ob'ektivnoe blagopoluchie v sovremennom rossijskom obshchestve: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study]. *Informatsionno-analiticheskiy bulletin [Information and Analytical Bulletin (INAB)]*. (1). Available from: <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1>. (in Russian).
- Gimpelson V.E., Chernina E.M. (2020) How we perceive our place in income distribution and how the perceptions deviate from reality. *The Journal of the New Economic Association*. 2 (46). 30–56. Available from: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-2>. (in Russian).
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (2005) Nestandartnaya zanyatost' i rossijskij rynek truda [Non-standard employment and the Russian labor market]. Preprint WP3/2005/05. WP3 series "Labor Market Problems". Moscow: Higher School of Economics. (in Russian).

Gorshkov M.K. (2019) Social outcomes of the post-soviet transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*. (11). 3–17. Available from: <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>. (in Russian).

Kolennikova N.D. (2021) Vozdejstvie pandemii na social'no-psihologicheskoe samochuvstvie i povedenie rossiyan [The impact of the pandemic on the socio-psychological well-being and behavior of Russians]. *Informatsionno-analiticheskiy bulleten [Information and Analytical Bulletin (INAB)]*. (2). 18–32. Available from: <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2.2>. (in Russian).

Mareeva S.V. (2018) Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *RUDN Journal of Sociology*. 4 (18), 695–707. Available from: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707>. (in Russian).

Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020) A Society of Unstable Wellbeing: Income Mobility and Immobility in Russia. *NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology"*. WP BRP 94/SOC/2020.

Sushko P.E. (2020) Happiness and Social Well-Being in the Estimates of Russians – the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. (8:1), 48–62. Available from: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>. (in Russian).

Tikhonova N.E. (2018) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 2018. (1–2), 17–29. Available from: <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>. (in Russian)

Tikhonova N.E. (2021) Consequences of the 2020–2021 Crisis for Different Professional Groups in Russian Society. *Sociological Journal*. (27:2), 46–67. Available from: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8086>. (in Russian).

Tikhonova N.E. (ed) (2018) Model' dohodnoj stratifikacii rossijskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya [The model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Available from: <https://doi.org/10.317544469-1419-7>. (in Russian).

Veber M. (1992) Klass, status i partiya [Class, Status and Party]. In book: Belanovsky, M (ed.) *Social'naya stratifikaciya [Social stratification]*. Moscow: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 1992. Issue 1. 19–38. (in Russian).

Warner W.L. (1960) *Social Class in America*. New York: Harper and Row.

Информация об авторе

Н.Д. Коленикова – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=897871.

Scopus Author Id: 57198777354.

AuthorID: 897871.

Information about the author

N.D. Kolennikova – PhD in Social Science, Research Fellow, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=897871.

Scopus Author Id: 57198777354.

AuthorID: 897871.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.11.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 02.12.2021.